

От издательства

«Чернобыльская хроника» — первая книга о катастрофе, описывающая ее зарождение, ход и последствия. Книга переведена на многие языки мира и стала одним из источников, использованных американским режиссером Крейгом Мэйзином при создании сериала «Чернобыль» в 2019 г. «Обязательная для прочтения книга, написанная советским физиком Медведевым, который сам был на месте событий, — отметил Мэйзин в своем Twitter. — Отличное сочетание исторического повествования и научного подхода»¹.

Автор книги — инженер-атомщик, с начала 60-х годов занимавшийся ремонтом атомных подлодок, эксплуатацией и строительством АЭС. Участвовал в строительстве ЧАЭС в должности заместителя главного инженера станции. На момент аварии — заместитель начальника главного управления Минэнерго СССР по строительству АЭС. С 70-х годов писал повести и рассказы о буднях атомной энергетики, которые предостерегали о скрытой опасности мирного атома в эпоху господства концепции «абсолютной безопасности АЭС».

«Чернобыльская тетрадь» была завершена уже через год после трагедии, 24 мая 1987 г., в разгар перестройки. Несмотря на перестройку, автору стоило большого труда опубликовать книгу лишь в июне 1989 г. — цензура еще по

¹ См.: <https://twitter.com/clmazin/status/1135768296400101376>

инерции выполняла свои функции. Публикации способствовало письмо академика А. Д. Сахарова Генеральному секретарю КПСС М. С. Горбачеву в защиту «Чернобыльской тетради»: «Я убежден, что общественность не только может, но и обязана знать все обстоятельства чернобыльской катастрофы вопреки цензурным ухищрениям ведомств, их интересам и амбициям. Любые ограничения здесь наносят ущерб и нашему обществу, и памяти погибших, моральному состоянию пострадавших. Скрывая факты, мы подтверждаем возможность их повторения. Это сокрытие не логично уже по одному тому, что все факты сообщены нами в МАГАТЭ. Что же, мировая общественность вправе знать о наших событиях больше, чем мы сами?»¹

И повесть была напечатана, став первым наиболее полным рассказом мировой общественности о событиях на ЧАЭС. В этом смысле книга является историческим документом. Г. Медведев опросил множество свидетелей, а основных участников событий знал лично еще до катастрофы. Автор бесстрашно, не взирая на лица и должности, анализирует все уровни, ошибки на которых могли привести к аварии: проектный, управленческий, надзорный и эксплуатационный. Действительные причины аварии читателю предстоит узнать, прочитав книгу.

За тридцать лет после чернобыльской аварии был выполнен большой объем организационно-технической работы, повысивший безопасность эксплуатации АЭС. Изменились требования к обеспечению безопасности во всех странах, эксплуатирующих АЭС. Но авария на АЭС «Фукусима» показала, что ошибки чернобыльской катастрофы вновь по-

¹ Медведев Г. У. Без кислорода. М.: Эребус, 2005.

вторились через четверть века в Японии. В чем же кроется корневая причина повторения этих страшных ошибок?

В поисках ответа на этот вопрос читатель увидит, что «Чернобыльская тетрадь» — не только хроника, но и свидетельство проявлений человеческой природы в небывалых условиях техногенной катастрофы. Н. А. Бердяев на заре XX века писал: «Машина может быть великим орудием в руках человека, в его победе над властью стихийной природы, но для этого человек должен быть духовным существом...»¹ И потому для управления опасной техникой требуются люди высокого духа, ведь последствия обыденной халатности, лжи, кумовства и некомпетентности, имевшие прежде локальное влияние, в атомную эру принимают вселенские масштабы. Спасение — в осознании людьми, оставшимися в живых, не только недостатков техники, но и глубинных недостатков своей собственной человеческой природы. В преодолении их — залог безопасности жизни ныне живущих и будущих поколений.

¹ *Бердяев Н. А.* Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Путь. Май, 1933. № 38.

От автора

Боль, угрызения совести, испытанные мною, когда я узнал о чернобыльском взрыве, были особенными. Ведь я в течение десяти лет до Чернобыля писал и публиковал повести и рассказы на атомную тему, предостерегая людей о возможности ядерной катастрофы. Повести «Экспертиза» и «Энергоблок» прямо об этом.

Фимиам, десятилетиями воскуряемый официальной наукой и атомными ведомствами «абсолютной безопасности» мирного атома, заглушал своим «благовоением» все мои предостережения.

Теперь я обязан был написать о Чернобыле, насколько это было в моих силах, наиболее правдиво (ведь я не был ночью 26 апреля у места взрыва), собрать материал, документы, свидетельства очевидцев и участников событий и, опираясь на свой опыт атомного энергетика и литератора, средствами документального и художественного исследования воссоздать картину чернобыльской ядерной трагедии. Книга была закончена мною в мае 1987 года, но опубликована в «Новом мире» лишь в июне 1989 года. Подробно о создании книги и сложных перипетиях ее продвижения в печать я рассказал в повести «Без кислорода»¹.

¹ *Медведев Г. У. Без кислорода, Эребус, 2005.*

«Гибель экипажа “Челленджер” и авария на Чернобыльской атомной станции усилили тревогу, жестоко напомнили, что люди еще только осваиваются с теми фантастическими могучими силами, которые сами же вызвали к жизни, еще только учатся ставить их на службу прогрессу», — сказал через три с лишним месяца после чернобыльского взрыва Михаил Сергеевич Горбачев в своем выступлении по центральному телевидению 18 августа 1986 года. А ведь стоило бы выступить гораздо раньше...

И тем не менее такая предельно трезвая оценка мирному атому была дана впервые за тридцать пять лет развития атомной энергетики в СССР. Бесспорно, что в этих словах ощущается веяние времени, ветер очищающей правды и перестройки, охвативший могучим дыханием всю нашу страну.

И все же, чтобы извлечь уроки из прошлого, следует вспомнить, что долгих три с половиной десятилетия наши ученые неоднократно в печати, по радио и телевидению сообщали широким кругам общественности нечто совсем противоположное. Мирный атом преподносился как чуть ли не панацея от всех бед, как верх подлинной безопасности, экологической чистоты и надежности. Дело доходило почти до телячьего восторга, когда речь шла о безопасности атомных электростанций.

«АЭС — это дневные звезды! — восклицал в 1980 году в журнале “Огонек” академик М. А. Стырикович. — Мы усеём ими всю нашу землю. Они совершенно безопасны! Иногда, правда, приходится слышать опасения, что на АЭС может произойти взрыв... Это просто физически невозможно... Ядерное горючее на АЭС не может быть взорвано никакими силами — ни земными, ни небесными...»

«Земные звезды» действительно стали суровой реальностью, грозно противостоящей живой природе и человеку.

«Атомные реакторы — это обычные топки, а операторы, ими управляющие, — это кочегары...» — популярно разъяснял широкому читателю заместитель председателя Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР Н. М. Синев, тем самым ставя атомный реактор рядом с обычным паровым котлом, атомных же операторов — на одну доску с кочегарами, шурующими уголь в топке.

Это была во всех отношениях удобная позиция. Во-первых, успокаивалось общественное мнение, во-вторых, оплату труда на АЭС можно было приравнять к оплате на тепловых станциях, а в ряде случаев сделать ее даже ниже. Раз безопасно и просто, можно платить меньше. И к началу восьмидесятых годов оплата труда на блочных тепловых станциях превысила оплату труда операторов на АЭС.

Но продолжим бодро оптимистические свидетельства о полной безопасности атомных электростанций.

«Отходы атомной энергетики, потенциально весьма опасные, — настолько компактны, что их можно хранить в местах, изолированных от внешней среды», — писал 25 июня 1984 года в «Правде» директор Физико-энергетического института О. Д. Казачковский. Заметим, что, когда грохнул чернобыльский взрыв, таких мест, куда можно было бы выгрузить отработанное ядерное топливо, не оказалось. За минувшие десятилетия не было сооружено хранилище отработанного ядерного топлива (сокращенно ХОЯТ), и его пришлось строить рядом с аварийным блоком в условиях жестких радиационных полей, переоблучая строителей и монтажников.

«Мы живем в атомной эре. АЭС оказались удобными и надежными в эксплуатации. Атомные реакторы готовятся принять на себя теплофикацию городов и населенных пунктов...» — писал О. Д. Казачковский в том же номере «Правды», забыв сказать, что атомные теплоцентрали будут возводиться вблизи крупных городов.

Месяцем позже академик А. Е. Шейдлин заявил в «Литературной газете»:

«С большим удовлетворением воспринято сообщение о замечательном достижении — вводе в действие четвертого энергоблока мощностью миллион киловатт на Чернобыльской атомной электростанции имени В. И. Ленина».

Не екнуло ли сердце у академика, когда он писал эти строки? Ведь именно четвертому энергоблоку суждено было прогреметь ядерным громом среди ясного неба гарантированной безопасности АЭС...

В другом своем выступлении на замечание корреспондента о том, что расширенное строительство АЭС может встревожить население, академик ответил: «Тут много от эмоций. Атомные электростанции нашей страны совершенно безопасны для населения окрестных районов. Никакого повода для беспокойства просто не существует».

Особенно большую лепту в пропаганду безопасности АЭС внес председатель Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР А. М. Петросьянц.

«Нельзя не признать, — писал он за четырнадцать лет до чернобыльского взрыва, — что у атомной энергетики блестящее будущее... Атомная энергетика имеет определенные преимущества по сравнению с классической. АЭС полностью независимы от источников сырья (урановых рудников) благодаря компактности ядерного горючего и продолжительности

его использования. АЭС весьма перспективны в отношении использования мощных энергоблоков... — и делал такой успокаивающий вывод: — АЭС как производители энергии являются чистыми источниками энергии, не увеличивающими загрязненность окружающей среды»¹.

Рассматривая далее вопрос о масштабах развития атомной энергетики и ее месте за пределами двухтысячного года, А. Петросьянц задумывается прежде всего о том, хватит ли запасов урановой руды, и полностью снимает вопрос о безопасности столь широкой сети АЭС в самых густонаселенных районах европейской части СССР. «Вопрос наиболее рационального использования чудесного свойства ядерного горючего — главный вопрос ядерной энергетики...» — подчеркивал он в той же книге. И при этом не безопасность АЭС, а рациональное использование ядерного горючего прежде всего беспокоило его. Далее автор продолжает: «Все еще бытующий некоторый скептицизм и недоверие к атомным электростанциям вызваны преувеличенной боязнью радиационной опасности для обслуживающего персонала станции и, главное, для населения, проживающего в районе ее расположения...

Эксплуатация АЭС в СССР и за рубежом, в том числе в США, Англии, Франции, Канаде, Италии, Японии, ГДР и ФРГ, показывает полную безопасность их работы при соблюдении установленных режимов и необходимых правил. Более того, можно поспорить, какие электростанции более вредны для организма человека и окружающей среды — атомные или работающие на угле...»

¹ Петросьянц А. От научного поиска к атомной промышленности. М.: Атомиздат, 1972. С. 73.